

Язык и категории лица. *Лицо и языковые контакты*

УДК 811.521`36

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-13-23

Есть ли категория лица в японском языке?

Владимир М. Алпатов

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
v-alpatov@ivran.ru*

Аннотация. Хорошо известно, что одной из главных категорий глагола как в описаниях конкретных языков, так и в теоретических работах считается категория лица. В европейской лингвистической категории эта единица выделялась с самого начала, что, безусловно, для индоевропейских языков не вызывает сомнений. Некоторые европейские и американские грамматики японского языка XIX–XX вв. также признавали глагольную категорию лица (Б.Х. Чемберлен, А. Роз-Иннес, Е.Л. Наврон-Войтинская). Однако с категорией лица в таких описаниях смешивались категории этикета (вежливости), не являющиеся морфологической категорией для языков, на основе которых формировалась и развивалась европейская лингвистическая традиция. Японский язык имеет развитую систему обозначения социальных отношений между говорящим и другими лицами (собеседником, объектами речи), которая распространяется не только на лексику, но и на грамматику. Причина смешения состоит во влиянии на исследователей грамматической системы привычных для них европейских языков. Однако противопоставление форм 1-го и 2-го лица (но не 3-го лица) существует в императиве, и такие формы многочисленны: *kake* ‘пиши!’ (грубо), *o-kaki kudasai* ‘пиши!’ (вежливо), *kakoo* ‘давай напишем!’. Также существуют местоимения всех трех лиц, хотя в японском языке они не очень употребительны.

Ключевые слова: японский язык, грамматика, грамматические категории, лицо, формы вежливости, формы этикета, индикатив, императив, местоимения

Для цитирования: Алпатов В.М. Есть ли категория лица в японском языке? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 13–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-13-23

© Алпатов В.М., 2022

Does the category of person exist in Japanese?

Vladimir M. Alpatov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v-alpatov@ivran.ru*

Abstract. It is well-known that the category of person is considered one of the main grammatical categories of verb. The European linguistic tradition singled this category out from its beginning. Some European and American grammars of Japanese recognized the grammatical category of person (B.Y. Chamberlain, A. Rose-Inness, T. Navron-Voytinskaya). However the categories of etiquette (politeness) are mixed with person. Japanese has the developed system of the designation of social attitudes between the speaker and other persons (interlocutors or objects of speech). The cause of the confusion is the influence of the grammatical system of the European languages on the investigators. However the opposition of the forms of 1st person and 2nd person exists in the imperative, and such forms are numerous: *kake* 'write!' (rude), *o-kaki kudasai* 'write!' (polite), *kakoo* 'let us write'. The opposition of personal pronouns of all the persons exist too although they are not very common in Japanese.

Keywords: Japanese, grammar, grammatical categories, person, forms of politeness, forms of etiquette, indicative, imperative, pronouns

For citation: Alpatov, V.M. (2022), "Does the category of person exist in Japanese?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 13–23, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-13-23

Как известно, категория лица, безусловно присутствующая в древнегреческом языке, всегда выделялась в европейском языкознании. Уже в грамматике Дионисия Фракийца (II в. до н. э.) одной из восьми «акциденций» глагола считалось лицо, выделялась такая «акциденция» и у местоимений [Фрейденберг 1936, с. 125, 134]. Впоследствии, когда количество изучаемых в Европе языков стало расти, предпринимались попытки везде находить те же грамматические категории, что и в привычных для исследователей языках. Так описывался и японский язык. Оставив пока в стороне местоимения и императив, хочу рассмотреть, на мой взгляд, поучительную историю поисков данной глагольной «акциденции» в европейской, русской и японской японистике. В связи с этим поговорим о, казалось бы, совсем другом.

Сейчас уже достаточно известно, что в японском языке существуют так называемые формы вежливости (точнее их называть формами этикета: вежливость индивидуальна, а этикет социально

обусловлен [Храковский, Володин 1986, с. 224–225]). Их значение, как и значение противопоставленных им простых (невежливых) форм, связано с выражением социального отношения говорящего к некоторому другому лицу (или другим лицам). Выражаются комбинации признаков значения «высший – равный – низший» и «свой – чужой». Имеются грамматические категории адрессива (выражается отношение к собеседнику) и гоноратива (выражается отношение к лицу (лицам), о котором (которых) идет речь). В категории гоноратива имеются субъектные и объектные формы (выражающие отношение соответственно к тем, кто обозначен первым актантом (подлежащим) и к другим участникам ситуации).

При этом возникает несимметричность. Субъектные формы (так называемые почтительные) не употребляются, если подлежащим обозначается сам говорящий. Очевидно, что причина этого – семантическая: правила японского этикета не позволяют даже императору с почтением говорить о себе. Но объектные формы (так называемые скромные) могут употребляться при обозначении подлежащим любого из трех лиц (хотя чаще это говорящий).

Примеры, где подлежащим обозначены соответственно собеседник и другие лица:

- (1) Koko e **o-toosh-i shi-nasai** (Kt: 117)
здесь в HON-проводить-CNV AUX.DPR-IMP
'Проводи [ее] сюда'
- (2) Yuooin no hoo ni **o-utsush-i itash-imash-ita** (MK: 233)
больница GEN сторона DAT HON-отправить-CNV AUX.DPR-ADR-
PST
'[Они его] отправили в больницу'

В примере (1) говорящий обращается к прислуге, выражая отношение к той женщине, которую нужно проводить. В примере (2) подлежащим обозначена группа лиц, в которую не входят ни говорящий, ни его собеседник, но которые как бы находятся на стороне говорящего.

Все сказанное сейчас уже многократно описано и привлекало внимание исследователей уже давно; например, только сейчас в полной мере становится известно, что японским языком в этом плане много занимался В. фон Гумбольдт¹. Данная подсистема японского языка включает в себя противопоставленные друг другу простые формы (чаще без специальных показателей, но иногда, как

¹ Notice sur la grammaire japonaise de P. Oyanguren par M. le Baron G. de Humboldt. Paris: La société asiatique, 1826. 12 p.

в императиве, имеющие их) и синтетические или аналитические формы с показателем, имеющим определенное этикетное значение. Не обсуждаю сейчас тот факт, что некоторые значения всегда выражаются аналитически. Однако по крайней мере часть таких противопоставлений и показателей (например, формы адрессива с суффиксом *-mas-* и без него, омонимы пассива) при любом отношении к аналитизму вполне подпадают под обычное понимание грамматической категории. Об этом см. [Холодович 1979, с. 64–66]. Против этого говорят аргументы скорее психологические: европейская наука не привыкла выделять этикетные значения как «нормальные» грамматические; поэтому и сейчас формы вежливости часто исключают из грамматики и целиком переносят в стилистику. С другой стороны, непривычен язык, где у глаголов нет категории лица. Отмечу и стойкую традицию именования форм объектного этикета как «скромных», т. е. предполагается, что в первую очередь здесь речь идет о том человеке, который обозначен подлежащим; это представление, конечно, естественно для носителей английского или русского языка, но в языке иного строя может быть и иначе.

Сразу отмечу, что ни в первой европейской грамматике японского языка Ж. Родригиша (1604), ни в первой русской его грамматике Д.Д. Смирнова (1890) о лице в глаголе ничего не говорится, а «формы вежливости» трактуются вполне адекватно. По-видимому, впервые вопрос о лице поставил, до конца не решив, автор наиболее популярной на Западе в конце XIX – начале XX в. грамматики японского языка (первое издание 1886), британский специалист Б.Х. Чемберлен. Он прямо говорил об «отсутствии лица» в японском глаголе². Однако он указывал на то, что это «до некоторой степени компенсируется богатым использованием скромных и почтительных выражений»³; почтительными он и многие другие называл формы гоноратива, выражающие отношение к первому актанту, а скромными – выразители отношения к другим актантам. Чемберлен обратил внимание на то, что почтительные выражения используются в предложениях, где подлежащим является 2-е или 3-е лицо, а скромные – в предложениях, где им является 1-е лицо. Но отмечено и то, что в последнем случае подлежащим может быть и 3-е лицо, если оно как-то связано с говорящим⁴. Последний факт (см. пример 2) отмечали далеко не всегда. 2-е лицо Чемберлен не упоминал.

² *Chamberlain B.H. A Simplified Grammar of the Japanese Language. Yokohama: Kelly and Walsh, 1886. P. 91.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid. P. 92.*

Более радикальной здесь оказалась точка зрения А. Роз-Иннеса (первое издание грамматики – 1916). Здесь так называемые формы вежливости (или, что то же самое, почтительные и скромные выражения у Б.Х. Чемберлена) характеризуются прежде всего как формы лица. Скромные формы названы формами 1-го лица, почтительные – формами 2-го лица, остальные отнесены к 3-му лицу (правда, признается, что разделение не вполне точно) (Rose-Innes 1937, p. 76).

К этому времени в самой Японии появились грамматики европейского типа, среди авторов которых ведущую роль играл Ямада Ёсио. Он во многом ориентировался на англоязычные образцы и по данному вопросу находился под влиянием Б.Х. Чемберлена, не выделяя категорию лица в прямом смысле слова, но подчеркивая сходство европейского лица и японских форм вежливости [Yamada 1931, pp. 11–12]. Обширный анализ употребления форм вежливости сводится к тому, каким лицом они переводятся на английский язык, т. е. Ямада пытался во всех случаях найти согласование сказуемого с подлежащим (но не с дополнением) в лице, различая то, что не различается в самом языке. А стандартный показатель вежливости (точнее – этикета) к собеседнику *-mas-* отнесен к «скромным», хотя он свободно употребляется в речи обо всех лицах. С 1930-х гг. в Японии влияние американской и европейской науки о языке резко сократилось, одним из проявлений этого стал отказ от выделения японскими лингвистами категории лица в глаголе.

Что касается русских исследований, то выделение категории лица в японском глаголе впервые обозначилось в грамматике О.В. Плетнера и Е.Д. Поливанова 1930 г. (соответствующий раздел написан О.В. Плетнером). Если формы вежливости (этикета) к собеседнику с показателем *-mas-* не связываются с грамматическим лицом, то так называемые почтительные и скромные формы названы соответственно формами 2-го/3-го лица и формами 1-го лица без оговорок (Плетнер, Поливанов 1930, с. 101–103). Между различными видами форм вежливости не всегда проводятся должные различия, а часть форм пропущена.

Н.И. Конрад в книге 1937 г. писал: «Элементы феодальной иерархии в обозначении лиц, имевшие буквальное значение в феодальном языке, сейчас играют роль признаков простой вежливости речи, а часто даже простого обозначения 1-го, 2-го или 3-го лица» [Конрад 1937, с. 13]. В книге также предпринята попытка разграничить «речь о предметах» и «речь о лицах» (соответственно без *-mas-* и с ним). Однако такая трактовка была явно произвольной и не подтверждалась фактами.

Н.И. Конрад все же не включал лицо в число глагольных категорий. Сделала это Е.Л. Наврон-Войтинская, кандидатская дис-

сертация которой была защищена в 1946 г. Она, правда, отказалась от выделения «речи о предметах» и «речи о лицах», но при этом в крайнем варианте выдвинула тезис о категории лица в глаголе. Она писала: «Отношение говорящего к окружающей его среде определялось японскими грамматистами положением его в обществе. Они игнорировали отношения между реальными отношениями лиц в обществе и грамматическими лицами в языке, невольно подменяя отношения грамматических лиц в языке реальными отношениями лиц в обществе» [Наврон-Войтинская 1946, с. 3]. Исходя из этого, она любые формы вежливости относит к грамматике лишь постольку, поскольку они выражают значение лица [Наврон-Войтинская 1946, с. 41 и др.], прямо говоря, что руководствуется теорией понятийных категорий И.И. Мещанинова [Наврон-Войтинская 1946, с. 47]. Вышеупомянутое *-mas-* названо показателем лица, но даже не сказано, какого именно. Показателем 2-го лица в чистом виде именуется одна из «почтительных» форм, способная на самом деле относиться и к 3-му лицу.

В советских публикациях более позднего времени, как правило, речь шла одновременно о вежливости и о лице. Н.И. Фельдман стоит ближе всего к позициям Е.Л. Наврон-Войтинской и включает в число категорий лицо, хотя и с оговорками; выражение вежливости она исключает из грамматики, относя к стилистике (Фельдман 1951, с. 864), [Фельдман 1960, с. 28]. А вот формулировка из учебного пособия: «В различных речевых ситуациях, в зависимости от того, к кому обращена речь, употребляются разные грамматические формы и конструкции, которые, обозначая действие того или иного лица, одновременно передают определенную степень вежливости (учтивости) (Рябкин и др. 1965, ч. 3, с. 1). Аналогична трактовка и в самоучителе Б.П. Лаврентьева, который при этом делает важное уточнение: «В сферу 1-го лица включаются говорящий и все лица, близкие говорящему: его родственники, друзья, сослуживцы и т. п.» (Лаврентьев 1967, с. 121–122).

А.А. Холодович различал в японском глаголе формы действия, не детерминированного относительно субъекта предложения (так называемые невежливые формы), и формы относительно детерминированного. Последние делятся на формы, которые не относятся к действиям 1-го лица, и формы, которые не относятся к действиям второго лица [Холодович 1949, с. 23]. В поздней работе этот ученый при подробном анализе этикетных форм (обосновывается отнесение данной категории к грамматике, а не к стилистике) в большинстве случаев обходится без категории лица. Однако в том единственном случае, где связь данных форм с лицом можно установить, он называет формы субъектного гоноратива (субъектного

иерархива, в его терминологии) «формами непервого лица» [Холодович 1979, с. 79–80]. «Формы, которые не относятся к действиям второго лица» не упоминаются.

Сейчас в японистической литературе уже могут обходиться без категории лица. «В отличие от европейских и многих алтайских языков, где наряду с падежами (зависимостным маркированием) существуют и такие элементы вершинного маркирования, как сосуществование глагола с субъектом... в японском языке зависимостное маркирование синтаксических связей представлено “в чистом виде”» [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, с. 7] (автор цитируемого текста – П.М. Аркадьев).

Однако все вышесказанное относится только к индикативу. Категория императива (повелительного наклонения), по-видимому, в том или ином виде существующая в любом языке, традиционно понимается как выражающая отношение между говорящим и 2-м лицом. В японском языке, где данное значение скрещивается со значениями этикета, императивные формы многочисленны и разнообразны. В то же время исследователи наряду с императивом 2-го лица правомерно выделяют в ряде языков также соответствующие формы 1-го и 3-го лица [Храковский, Володин 1986]. Ср. в русском: *давай сходи – сходи – пусть сходит*. В японском языке специальные формы 3-го лица отсутствуют, однако формы 1-го лица, иногда именуемые формами гортатива, существуют и являются синтетическими.

«Общим значением форм гортатива является побуждение говорящего к совершению некоторого действия, агенсом которого (не обязательно единственным) будет он сам» [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, т. 1, с. 88]. Это может быть и побуждение к совместному действию, и желание, намерение, предложение собственного действия (в других языках эти значения могут выражаться по-разному). Примеры:

Kawa o kirei ni **shi-mash-oo** (уличный плакат)
река ACC чистый ADV делать-ADR-HOR
'Сделаем реку чистой!'

Mamor-oo watashitachi no kempoo (газета)
защитить-HOR мы GEN конституция
'Наша конституция, [которую] защитим!'

Для русского языка такие случаи не выделяют в глагольной парадигме. В японском же языке это, как правило, делают. Таким образом, глагольная категория лица в японском языке все же существует, хотя и в урезанном виде: противопоставлены лишь два лица – первое и второе.

И имеется обычное универсальное средство: личные местоимения. Они (по крайней мере, местоимения 1-го и 2-го лица), разумеется, существуют, но скорее могут быть охарактеризованы как семантические классы лексики, не имея особых формальных свойств. Но они в то же время имеют особенности. С одной стороны, за счет передачи этикетных различий их количество больше, чем во многих других языках. Если в русском языке есть всего одно местоимение единственного числа, то в японском их (включая редкие) не менее восьми. Поэтому перевод с русского или английского языка на японский язык вызывает трудности. Например, в переводах стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль», написанного от имени корабля, разные переводчики использовали четыре различных местоимения⁵. С другой стороны, их место в системе языка периферийно, что проявляется в низкой частотности. Прямое обозначение избегается, но косвенное соотнесение деятеля с одним из лиц производится с помощью тех или иных этикетных форм или конструкций.

В отличие от местоимений 1-го лица, которые охватывают все уровни этикета, местоимения 2-го лица почти не могут употребляться в отношении высших. В этом случае собеседника именуют в 3-м лице. Ученица, говоря с учителем, не может употребить ни одно из местоимений 2-го лица, но должна назвать его в 3-м лице (отдельно или вместе с фамилией). Слово *sensei* – не местоимение, а обычное существительное (так в определенных случаях можно назвать даже себя [Холодович 1979, с. 85]). Что же касается собственно местоимений 3-го лица, то до европеизации в XIX в. их в японском языке не было, а их значения передавались указательными местоимениями. Потом искусственно образовали слова *kare* ‘он’ и *kanojo* ‘она’ в качестве переводных эквивалентов для *he* и *she* [Martin 1975, p. 1075]. Их частотность невысока, но такие примеры могут встретиться даже в диалоге:

Kare no seikaku ga wakar-u yoo des-u (ММ: 65)
он GEN характер NOM понимать-PRS EVD COP.ADR-PRS
‘Его характер, видимо, понятен’

Итак, этикетные отношения между говорящим, собеседником и другими участниками ситуации могут передаваться, в том числе, грамматически в индикативе, императиве и лексически в подсистеме местоимений (может ли где-то еще?). В японском языке можно говорить о грамматической категории лица лишь для императива.

⁵ *Oohashi Sumiko*. Hanashikotoba no honyaku ni tsuite // Soogoo-bunka-kenkyuujo-kiyoo. Vol. 1. 1984.

Список сокращений

ACC – винительный падеж
 ADR – адрессив
 ADV – наречие
 AUX – вспомогательный глагол
 CNV – деепричастие, срединная форма
 COP – связка
 DPR – депрециатив (объектный говоратив)
 EVD – эвиденциальность
 GEN – родительный падеж
 HON – гоноратив
 IMP – императив
 HOR – гортатив
 Kt – Kitashiro Atsushi. Akuma wa kimben // Teatoro. 1967. 4.
 MK – Matsumoto Seichoo. Kyuukei no areno. Tokyo, 1969.
 MM – Matsumoto Seichoo. Me no kabe. Tokyo, 1973.
 NOM – именительный падеж
 PRS – настоящее время
 PST – прошедшее время

Источники

Лаврентьев 1967 – *Лаврентьев Б.П.* Самоучитель японского языка: Приложение к журналу «Азия и Африка сегодня». М.: [Б. и.], 1967. 96 с.
 Плетнер, Поливанов 1930 – *Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка. М.: Московский институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1930. 188 с.
 Рябкин 1965 – *Рябкин А.Г. и др.* Учебные материалы по японскому языку: В 3 ч. М: Изд-во Моск. ун-та, 1965. Ч. 3. 179 с.
 Фельдман 1951 – *Фельдман Н.И.* Краткий очерк грамматики современного японского языка // Немзер Л.А., Сыромятников Н.А. Японско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. С. 829–887.
 Rose-Innes 1937 – *Rose-Innes A.* Conversational Japanese for beginners. Yokohama: Kelly and Walsh, 1937. 256 p.

Литература

Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 – *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка: В 2 кн. М.: Наталис, 2008. Кн. 2. 463 с.

- Конрад 1937 – *Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального языка. М.: Изд-во иностр. рабочих в СССР, 1937. 375 с.
- Наврон-Войтинская 1946 – *Наврон-Войтинская Е.Л.* Личная форма японского глагола: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1946.
- Фельдман 1960 – *Фельдман Н.И.* Японский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 95 с.
- Фрейденберг 1936 – Античные теории языка и стиля / Ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 341 с.
- Холодович 1949 – *Холодович А.А.* Очерки по строю японского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1949.
- Холодович 1979 – *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.
- Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.
- Martin 1975 – *Martin S.E.* A reference grammar of Japanese. New-Haven; London: Yale University Press, 1975. 1198 p.
- Yamada 1931 – *Yamada Yoshio.* Keigo no kenkyuu. Tokyo, 1931.

References

- Alpatov, V.M., Arkad'ev, P.M. and Podlesskaya, V.I. (2008), *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka*, t. 1–2. [Theoretical grammar of the Japanese language, vol. 1–2], Natalis, Moscow, Russia.
- Fel'dman, N.I. (1960), *Yaponskii yazyk* [Japanese language], IVL, Moscow, USSR.
- Freidenberg, O.M. (ed.) (1936), *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style], Sotsekgiz, Moscow, Leningrad, USSR.
- Kholodovich, A.A. (1949), *Ocherki po stroyu yaponskogo yazyka* [Essays on the structure of the Japanese language], Abstract of D. Sc. dissertation, LGU, Leningrad, USSR.
- Kholodovich, A.A. (1979), *Problemy grammaticheskoi teorii* [Problems of grammatical theory], Nauka, Leningrad, USSR.
- Khrakovskii, V.S. and Volodin, A.P. (1986), *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative], Nauka, Leningrad, USSR.
- Konrad, N.I. (1937), *Sintaksis yaponskogo natsional'nogo yazyka* [The syntax of the Japanese national language], Izdatel'skoe tovarishchestvo inostrannykh rabochikh v SSSR, Moscow, USSR.
- Martin, S.E. (1975), *A reference grammar of Japanese*, Yale University Press, New-Haven, London, UK.
- Navron-Voitinskaya, E.L. (1946), *Lichnaya forma yaponskogo glagola* [The personal form of the Japanese verb], Ph.D. Thesis, MGIMO, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Владимир М. Алпатов, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1; v-alpatov@ivran.ru

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. of Sci (Philology), professor, academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 1, B. Kislovsky Line, Moscow, Russia, 125009; v-alpatov@ivran.ru